

70 лет верхом на коне

(Некролог Д. Филлиса)

23-го апреля, после полудня, по шумным улицам Парижа медленным шагом шла похоронная процессия, направляясь к западным воротам, за которыми начинается предместье Нельи с кладбищем того же названия. Скромную траурную колесницу сопровождали несколько пожилых статских и русский полковник в форме генерального штаба, военный агент граф Игнатъев. Присутствие популярного русского офицера обратило внимание публики, которая быстро осведомилась, кого хоронят, и количество сопровождавших гроб постепенно росло.

(Семья Филлиса отсутствовала. Жена, два сына и дочь уже 3-й год живут в Америке, причем последние гастролируют в цирках на лошадях высшей школы езды, откладывая до 18-ти тыс. франков ежегодно, помимо всех расходов.)

Среди надгробных венков выделялся огромный из живых цветов, внутри которого была черная доска с надписью: «Les eleves reconnaissants de la cavalerie russe». Венок этот возложил граф Игнатъев на гроб Д. Филлиса от учеников покойного, к числу которых принадлежал и граф Игнатъев, проходивший после академии курс Офицерской кавалерийской школы.

Филлис умер после операции удаления туберкулезной опухоли в легких. Операцию перенес со свойственным ему мужеством, но сердце старика не выдержало. Он прожил 78 лет, из которых с 1898 г. по 1909 г. пробыл старшим учителем верховой езды в нашей Офицерской кавалерийской школе. Он написал эту книгу: «Основы езды и выездки», переведенную на европейские языки и выдержавшую на каждом из них по несколько изданий, кроме того, в 1904 году им написан на французском языке «Дневник выездки» в 400 страниц, посвященный городу Парижу «en ternoingnage de vive et profonde reconnaissance». На первых страницах этого дневника Филлис объясняет, почему он на закате своей долгой жизни посвятил книгу о выездке, именно, Парижу.

«Париж — не только первый город во всей вселенной, отвечающий требованиям эстетики, благодаря своему небу, великолепным памятникам, традициям, а также живому и впечатлительному населению» этой столицы мира, но, главным образом, Париж тот, именно, пункт на земном шаре, где сосредоточены наиболее блестящие аналитические умы и представители того общества, которому по праву принадлежит авторитет для «определения всего блестящего и изысканного в мире». Париж переполнен людьми высшего полета по их духовному складу — это настоящие учителя и наставники во всех отраслях искусства, брезгливо относящееся ко всякой посредственности. Они признают во всяком деле одно лишь совершенство, а посему стоять неизменно на страже в чаянии возможного прогресса.

Двадцать пять лет я жил и трудился на глазах этого просвещенного общества, на глазах так называемого «всего Парижа»: артистического, литературного и светского, подвергающего «всех и вся» своей строгой критике и лишаящего вас своего одобрения, если вы завтра не сделаете лучше, чем сегодня. Эта безжалостная и всесторонняя, но одновременно в высшей степени тончайшая критика служить данью поощрения, а, в месте с тем, и источником того воодушевления, без которых немислимо никакое усовершенствование в искусстве, поэтому каждый, стремящийся двигать вперед науку или развивать искусство, должен помнить оба эти фактора и подчиняться им. С чувством благородной гордости лично я в праве заявить, что мне пришлось воспользоваться подобным воспитанием. Мои ежедневные сношения в течении 25-ти лет с наиболее изысканным обществом, с тонкими требовательными знатоками спорта установили для меня неопровержимую аксиому, что, при непрестанном труде, всегда возможно еще улучшить то, что только что было сделано. С течением времени мои взгляды на езду последовательно изменялись: прозрев, я получил способность понимать светлые и теньевые стороны каждого

метода. В соответствии с приложенными усилиями, прогрессирувало и мое искусство верховой езды, при чем постепенно увеличивалась моя требовательность к самому себе.

Вот чем обусловлено мое желание посвятить мою книгу несравненному городу, вдохновителю людей, сильных волею. Направляемый по избранному мною пути парижанами, столь верно понимающими все и вся, я неизменно стремился, поскольку это зависело от меня, вводить в искусство верховой езды все усовершенствования в общем и в деталях, все тонкости дела, без которых наука или искусство как бы не закончены.

Благодаря Парижу, смелее двинулся я по намеченному пути обновления и прежде всего уразумел, что на бесконечном пути, по которому шествует прогресс в каждом деле и в каждой его отрасли, у хорошего наездника должен быть один лишь девиз: «вперед!»

Вышеприведенные слова Д. Филлиса очень метко рисуют склад ума этого редкого по вдумчивости и наблюдательности человека, создавшего эпоху в искусстве верховой езды не только у нас в России, но и во всей Европе, обработав, главным образом, фундамент этого искусства, т.е. выездку молодой лошади. Он знал англ., франц. и немец. языки и объяснялся по-русски.

Кто имел случай когда-либо серьезно беседовать с этим маленьким, немного сторбленным старичком, перед тем, при воспоминании о нем, живо представится во всей широте его необыкновенный оригинальный ум тончайшего психолога и наблюдателя, интересовавшегося положительно всеми сторонами современной жизни человечества, благодаря свойству его недюжинного аналитической ума, позволявшего ему каждое явление расчленить на составные элементы. Это был редко образованный человек, изучивший вполне основательно историю войн и, в частности, историю конницы, в расцвет которой он глубоко верил, зная до какой степени можно развить силы конского состава, если приложить к воспитанию конницы серьезные знания военного искусства в сочетании с ежедневной практикой в технике кавалерийского дела.

Удивительно и оригинально определил Филлис сущность понятия «кавалерист»: «это — великолепно обученный пехотинец, обладающий, кроме того, умением сделать из лошади такое средство для боя, благодаря которому он может переноситься с быстротою оленя, пренебрегая топографией земли и, следовательно, внезапно налетать на врага, как ястреб на добычу. Чтобы достигнуть такой возможности, необходимо все-сторонне знать природу лошади, уметь развить естественные ее силы и в то же время приучить эту огромную мускульную силу рабскому

повиновению воли человека. Эту власть над сильным животным приобретает человек посредством искусства езды и, главным образом, выездки. То и другое кавалерийский офицер должен знать в совершенстве, тогда он будет в состоянии в мирное время подготовить к бою врученные ему части и, вооруженный знаниями военной науки, выполнить задачи в обстановке, когда не только личной жизни грозит смерть, но и отечество может пострадать от исхода боя в пользу врагов. Таким образом обученная кавалерия является родом войск, обладающих огромными преимуществами перед другими, в силу своей подвижности и способности ошеломлять противника внезапным ударом. Прочие роды войск стеснены в своих действиях необходимостью быть вблизи своих огнестрельных припасов, быстро расходуемых в современном бою. Истратив патроны, они почти беззащитны; кавалерия же только после того, как потеряет коней, сначала превращается в пехоту и затем уже, истратив патроны, становится беззащитною. Не ясно ли, какую огромную долю внимания должен удалять кавалерист коню, если от благополучия этого коня зависит суть собственного бытия».

За 70 лет общения с лошастью, Филлис ежедневно лично ездил свою лошадь и по несколько раз в день навещал ее в конюшне, ближе узнавая интеллект коня, что значительно облегчало выездку и ускоряло победу над ним.

Из этого взгляда видно, как всесторонне продумана система выездки. На стр. 347-й «Journal, de dressage», по поводу посещения им манежа в Вене он говорит: «Я думал, что все узнал о выездке и езде, пройдя на опыте езду у конеторговцев, на гладких скачках и с препятствиями, на конной охоте, бега под седлом и высшую школу».

Только тесный союз знаний и практики дадут возможность использовать подвижность конницы с целью нанесения врагу ошеломляющих своей внезапностью ударов. В этом направлении, говорил Филлис, необходимо воспитывать кавалериста и эту мысль он воплощал во все время обучения, пользуясь каждым случаем подчеркнуть значение «быстроты, глазомера и натиска» —выразителей энергии, вдумчивости и решимости. Объясняя какой-либо прием выездки лошади, он стремился в ясной, но лаконической форме передать цель приема и тотчас личным показом продемонстрировать исполнение его. Во все время обучения он кипел бурным ключом, внушая ученикам высшую степень проявления энергии: «Атакуйте ее! еще атакуйте до полной победы, никогда не отступайте! Это пригодится и в бою. Пусть знает только вашу волю и никакой другой!» — скороговоркой говорил Филлис, и у самого в эти минуты горели глаза,

следившие за каждой деталью движения всадника и лошади, мгновенно улавливая момент, когда победа склонялась на сторону ездока. Столь же энергично подсказывал он в эту минуту: «Отдайте повод, огладьте и дайте полную свободу лошади и ласкайте без конца рукой и голосом». Он не терпел монотонности, пассивности и безразличия в исполнении дела, равно как и бестолковой суеты в требованиях к лошади: все должно быть основано на логике. Поэтому не преувеличением будет назвать его великим мастером искусства верховой езды, неподражаемым учителем и знатоком этого дела, которому он посвятил всю жизнь.

(Последнюю лошадь, серого араба, он выездил в 6 месяцев, в 1910 году в Париже, и отправил в подарок старшему сыну, у которого пала на о. Кубе лошадь высшей школы, привезенная из Петербурга. Д. Филлис об этом сером арабе писал так: «никогда не приходилось так быстро и тонко выработать лошадь для высшей школы». В это время Филлису было 74 года.)

В Петербурге в первый раз Филлис появился в 1897 г. в цирке Чинизелли со своими четырьмя лошадьми: «Поверо», вор. мер. чистокр., зав. М. Dousdebes, род. в 1891 г.; «Жерминаль» 7 л, и «Маркир» 9 л., оба чистокровные, и «Маэстозо». В «Journale de dressage» Филлис уделил 259 страниц описанию выездки коня «Поверо», которым любовался весь спортивный Петербург в цирке Чинизелли. Лошади и езда Филлиса отличались от прочих наездников высшей школы: 1) развитой мускулатурой и свободными движениями на всех аллюрах, 2) тем, что все лошади были совершенно цельные «без сучка и задоринки», 3) что никаких приспособлений для управления лошадью, кроме обыкновенного английского мундштука, не требовали и 4) что все движения, так называемой, «высшей школы» лошади производили удивительно энергично, легко, но одновременно заметно, что лошадь напрягала всю огромную силу мускулов, вызываемую шенкелем и шпорой тщедушного старичка, сидящего на ее спине. Вслед за исполнением какого либо трудного движения, лошадь получала на несколько моментов полную свободу вытягивать и опускать шею, идя свободным, вольным шагом, т.е. «вольно оправиться». Такая работа обратила общее внимание на Филлиса, после чего в придворной конюшни ему дана была группа трудных по езде лошадей, которых он в 30 уроков сделал «легкими». Затем несколько офицеров Кавалергардского Ее Величества полка составили «смену» и взяли 30 уроков езды у Филлиса. Результаты оказались блестящими. После таких опытов, Августейший генерал-инспектор кавалерии поручил Филлису собственных верховых лошадей, среди которых были два б-

вершковых мощных выводных, только что купленных и так лежавших на поводу, что на галопе их остановить было невозможно, не сделав несколько крутых вольтов, а серый «тащил» даже на шаг. Через 2 месяца работы в лагере под Красным Селом «тщедушный, маленький старичок», сидевший, точно «воробей на крыше», на этих великанах, свободно останавливал их с полного галопа движением своей костлявой руки, и гиганты эти стояли, как вкопанные, в то время, как кругом по военному полю в облаках пыли вихрем носились полки. Во время специального кавалерийского сбора и на маневрах Его Высочество уже был верхом на этих лошадях. После этого Филлис был приглашен старшим учителем езды в Офицерскую кавалерийскую школу, где пробыл 10 лет. На стр. 400 своего дневника, излагая краткий очерк кавалерийских школ Европы, он так говорит о лошадях нашей школы: «Nous sommes douze ecuyers-professeurs et nous n'avons que douze chevaux pour notre reprise d'école. C'est insuffisant, parce qu'il faut pouvoir rempiacer les indisponibles.

(Это описание относится к 1901 году. Теперь весь постоянный состав 29 офицеров сами работают своих лошадей для школьной езды в строю и затем для парфорсной охоты.)

Puis nos chevaux servent u tout.

Après les avoir mis en école d'octobre à mai, nous les avons entraînés pendant six semaines. Ils ont couru en juillet (courses militaires); en août ils ont fait un raid de 240 verstes en deux jours, portant 80 kilos; puis, en septembre, ils ont chassé.

Voilà qui prouve l'utilité d'un dressage rationnel, car ces chevaux se sont bien comportés dans toutes ces épreuves.

Mais nous ne pourrions jamais rivaliser avec Saumur et je crains qu'il n'en soit de même de toutes les autres écoles. Il faut se rendre compte que Saumur possède de 150—200 chevaux de pur sang ou anglo-arabe. Tous ces animaux sont choisis, triés entre 1.200 ou 1.500 chevaux que possède l'école et ne servent que pour les représentations équestres que l'école donne tous les ans en public.

Comprend-on avec quel soin on entretient ces chevaux et leur dressage».

Из этого видно, насколько основы езды и выездки Филлиса соответствовали военным целям, так как сырые лошади, выезжаемые, так сказать, по рецепту, им созданному, приобретают прочный фундамент для всесторонней эксплуатации: в манеж до высшей школы включительно, прекрасны в строю, выносливы на пробегах, чрезвычайно приятны на продолжительных охотах, прекрасно преодолевая разнообразный препятствия. При желании же сделать из них специалистов конкурных

прыгунов, стоит упражнять их в этом направлении по окончании выездки по рецепту «конкурного напрыгивания» и из них выйдут и знаменитости. («Пиколо», «Эпир», «Эрос», «Дамаск» и проч.— сначала выезжены по уставной с основами Филлиса системе, а затем уже напрыганы в 5-6-ти летнем возрасте.)

Это, так сказать, «надстройка лишнего этажа, чтобы увеличить доходность дома», фундамент же остается тот же — нормальная выездка по строго испытанной системе.

С принятием основ системы Филлиса в выезде лошадей, у нас в кавалерии получилось разительное улучшение в управлении лошадьми в строю:

- 1) Совершенно исчезли дурноезжие лошади, каковые прежде представлялись на смотрах в период одиночного обучения в особой рубрике «дурноезжих».
- 2) Исчезли слепые на оба глаза лошади, бракуемые до 1900 года каждый апрель месяц в количестве более 500 лошадей.
- 3) Лошади перестали страдать «запалом», потому что выездкой постепенно развились легкие, и, ко времени поступления в строй, работа лошади на галопе не была для ее органов и мускулов новой, неожиданной.
- 4) Лошади, выезжаемые прямо на мундштуках, но без цепок, оказались мягкими в управлении одною рукою, что с введением пик, облегчило обучение владению ими.

Слепота лошадей, вырывавшая из строя более энергичных лошадей целыми сотнями ежегодно, происходила от «насильственного сбора» или, вернее, скручивания шеи лошадей, вызывая приливы крови к голове, вследствие употребления всевозможных дополнительных ремешков, облегчавших управление лошадью во время выездки на уздечке. Между тем, с введением «полевого галопа потребовалась более продолжительная работа лошади на галопе, искусство же выездки постепенно падало и в действующей, и в запасной кавалера. В следствии этого, чтобы как-нибудь справиться с лежащей на поводу лошадью, прибегали исключительно к физической силе, совершенно игнорируя главных помощников в езде — «шенкель» и умелое употребление мундштука.

Филлис высказал следующий взгляд на уздечку, изложенный им на стр. 369—373 его «Journal de dressage», в котором он, между прочим, так говорить: «Уздечка полезна только в первые дни, чтобы приучить лошадь к ощущению куска железа во рту, и во время проводки или прогонки на корде. В остальных случаях она даже вредна...

Возьмем лошадь, которая несет высоко голову и с высоким поставом шеи. Что может сделать уздечка в этом случае? Ничего. Только поранить углы рта (губ). Если отдадите повод, лошадь будет так же нести шею и голову. Это уже плохой урок. Если натянете поводья, голова все более и более будет принимать горизонтальное положение, а шея опрокидываться, потому что уздечка не может воздействовать на беззубые края до тех пор, пока голова не станет вертикально.

Если, наоборот, лошадь держит голову с шеей низко, является необходимость их поднять. В этом случае еще более страдают углы рта (губ). Лошадь, вскидывая головой и шеей, приучается бороться с рукой и часто побеждает ее окончательно.

Так как, несмотря на все усилия, нельзя устранить возможности причинять боль в углах губ, то лошадь ищет облегчения, перекидывая язык через удило: тогда оно не давит на углы рта. Таким образом, прививают лошади дурную привычку, которую можно не заметить очень часто, если не всегда. С другой стороны, ездок приобретает не менее дурную привычку — держаться за повод. В результате получится твердая рука, и тогда уже невозможно будет достигнуть тонкости оттенков в управлении лошадьми с мягким ртом и езда на них будет совсем немислимой. Работая лошадь на трензеле с мундштуком, эти неудобства устраняются. Мундштук должен быть мягкий и без цепки. Он должен помогать каждый раз, когда трензелем не достигается результатов.

Трензельные поводья следует разобрать в обе руки, пропустив между большим и указательным пальцами. Мундштучные в левой руке, пропустив левый повод под мизинец, правый между 3-м и 4-м пальцами, концы же поводьев проходят под большим пальцем.

Этим способом воздействуют на беззубый край в двух различных его точках: трензельными поводьями вверху у углов губ, а мундштучными ниже. Действуя ими попеременно, не позволяют лошади слишком долго упираться на одну точку: ни на трензельное железо, ни на мундштук.

Благодаря этому попеременному действию поводьями трензеля и мундштука, рот остается всегда свежим, устраняется онемение беззубого края, откуда происходит большая часть несчастных случаев.

Если лошадь держит голову высоко с вытянутым носом, то стоит только мундштуком ее опустить — и она поставит голову вертикально. Если шея и голова низко, тогда их поднимают трензельными поводьями; но обыкновенно молодая лошадь переходит из одной крайности в другую, и, неся голову очень низко, затем вскидывает ее слишком высоко. В этом

случае мундштук служить регулятором, останавливая голову в момент, когда она находится в вертикальном положении.

Этой «игрой поводьями» предотвращается привычка лошади сопротивляться руке. Это — подготовительные приемы к установлению повода. Одновременно этой работой избегается переутомление зада, столь вредное молодым лошадям.

Управляя одной уздечкой, приходится сломить усилия рта силою рук, и, делая это, приучают лошадь применять свои силы против всадника — средство, к которому она и без того имеет инстинктивную склонность, а потому учить ее этому нет никакой надобности.

Одно из принципиальных данных при выездке, это показать лошади ее беспомощность в споре с человеком. Она должна запомнить с самого начала, что ее силы не могут бороться с разумом и искусством всадника. Применение одной уздечки дает лошади все средства направить свои силы с успехом против нас. Отсюда и вытекают все несчастья.

Я утверждаю, что невозможно хорошо выездить «молодую» лошадь на одном мундштук или на одной уздечке. Первый это — «опускатель», вторая — «подниматель», поэтому необходимо их комбинировать, чтобы возможно выгоднее бороться с укоренившимися дурными привычками лошади или избежать привитие ей какого-либо нового недостатка.

Уздечка превосходна для скаковых лошадей, которых необходимо до известной степени приучить лежать в поводу (тащить)».

Так логично мыслил Д. Филлис, и, вспоминая его, этого неподражаемого учителя верховой езды и своего рода философа-наездника, хочется еще привести цифры, показывающая количество лошадей, им переезженных и под его руководством выездженных. Трудно было бы поверить, если бы я лично не видел книг счетов, ему оплаченных, за езду. С 1866 г. по 1886 г., как значилось в этих книгах, он ездил 51.000 лошадей, не менее 7 лошадей в день. За все же время его работы на коне, под его седлом перебыло 150.000 лошадей, из них 40 выездил он в высшую школу. (Стр. XVI «Journal de dressage»). В воскресенье и другие праздники он ездил 3—4-х лошадей, в будни же от 10-ти до 17-ти каждый день, при этом начинал работать летом с 4-х час., а зимой с 5-ти утра, оканчивая в 7—8 час. вечера, иногда не делая даже перерыва для еды, а только перекусив взятым с собою в манеж сухарем. Ежедневно он зарабатывал до 80-ти франков.

На наших глазах в Петербурге, когда Филлису было уже за 65 лет, он к 6-ти час. утра уже являлся в манеж и работал своих лошадей, а в лагерь под Красным в этот час был уже на коне в поле со своими детьми, затем

руководил порученными ему сменами наездников гг. офицеров переменного состава, а с 11 до 1 часа дня занимался постоянным составом (офицерами и наездниками).

Кроме того, работал лошадей Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича, в чем помогал ему его же ученик из наездников, теперь уже берейтор Августейшего главнокомандующего войск гвардии и Петербургского военного округа титулярный советник Андреев, бриобревший, благодаря Филлису, громкую известность, как искусный работник на лошади.

Помянем же добрым словом незабвенного труженика старца Филлиса, всю жизнь положившего служению искусству, владея которым кавалерист может доставить себе столько наслаждения в работе на коне в манеже, в строю и, в особенности, галопируя десятки верст по полям и через леса в погони со стаей парфорсных собак за быстроногим оленем. Именно в этой обстановке является полная прелести и законченности картина выработки лошади, подготовляемой быть боевым оружием кавалериста. Только после окончания парфорсных охот, этого последнего этапа выездки, можно дать всестороннюю оценку качеств лошади и с благодарным чувством признательности вспомнить покойного Филлиса, создавшего систему выездки ремонтного коня, отвечающую специальным требованиям современной кавалерийской техники. Этой заслугой маститый Филлис обессмертил свое имя не только в стенах Офицерской кавалерийской школы, но, через ее питомцев, и во всей русской коннице, доказав, что упорный труд, ум и энергия, проявляемые человеком в достижении ясно поставленной цели, всегда увенчиваются лаврами успеха с личной выгодой и пользой для других.

Заслуги его отмечены Монаршей милостью. Государь Император наградил Филлиса орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й ст., кроме того, пожизненную пенсию в половинном размере содержания, а после его смерти вдова сохраняет половину пенной покойного. Перед отъездом из Петербурга Филлис удостоился счастья представиться Его Императорскому Величеству и из кабинета Его Величества получил драгоценный подарок, о чем покойный старик рассказывал с умилением и благородным восторгом.

Кн. Д. Багратион.

Май 1913 г. С.-Петербург.